

УДК 321

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

А. А. Клипкова

*Аспирант,
Харьковский национальный
университет им. В. Н. Каразина,
г. Харьков, Украина*

STATE INSTITUTES TRANSFORMATION IN POSTSOVIET AREA

A. A. Klipkova

*Graduate student,
V. N. Karazin Kharkov National University,
Kharkov, Ukraine*

Summary. The article is devoted to phenomenon of the state institutes and to transformation processes of state in modern world and its feature prospects. Also state capacity problem is analyzed in the article. This category is examined in postsoviet case.

Keywords: state institutes system; state capacity; early state; deformalization; informal institutes; failed state.

Институционально-политическая система постсоветских обществ претерпевает кардинальные структурные изменения. Влияние внешней среды и специфика внутреннего развития привели к существенному упрощению политической системы в странах, которые в прошлом принадлежали к советскому блоку. В процессе либерализации инфраструктуры политического управления государственная монополия была вытеснена из ряда сфер общественной жизни, что привело к разгосударствлению данной инфраструктуры и дальнейшему её институциональному воспроизведению без участия государства.

Снижение качества государства на постсоветском пространстве связано с упрощением структуры управленческих институтов, которое происходит за счёт перехода к ручному управлению. Деинституционализация политической системы стала результатом адаптации общества к новым условиям жизни постсоветского периода. В условиях политического, социального и экономического хаоса 90-х годов формальная зона во всех сферах существенно уменьшилась, изменив коренным образом политическую систему, нивелировав её роль [5].

Т. Ерл и Г. Дерлугьян в своей статье «Слабые государства, сильные вождества» отождествляют строительство эффективного государства современного

типа со строительством центральных бюрократических и небюрократических институтов. Такая система институтов в рамках своих полномочий ликвидирует или контролирует деятельность источников власти, альтернативных государству. И всё же первоочередная задача государства – не искоренить своих конкурентов, не уничтожить их, а инкорпорировать их в свою структуру с максимальной выгодой, чтобы распространить контроль и власть даже на те сферы, где прямое бюрократическое вмешательство невозможно [4]. Концепт раннего государства (early state) чрезвычайно актуален как инструмент современной политической науки, в частности, для исследования трансформационных процессов в странах третьего мира, для исследования стран, которые пытаются осуществить политическую модернизацию и сталкиваются на этом пути с трудностями, которые не могут быть объяснены в исследовательских рамках современной политической теории.

Осмысление деформализации институтов государства возможно через размеживание понятий «дееспособности» и «субъектоспособности» государства. Мы понимаем дееспособность как эффективность политических институтов, а субъектоспособность как силу и автономность, как функцию институционального ландшафта. С. Хан-

тингтон замечает, что главное при классификации государств – не форма правления, а степень управляемости (то есть уровень возможностей государства во влиянии на распределение всех видов ресурсов в стране). Потенция осуществлять такое влияние во всех сферах общественной жизни поставила советское государство рядом с абсолютистской монархией Людовика XIV среди образцов этатистской политики в мировой истории. Ч. Тилли определяет уровень дееспособности государства как меру того, насколько вмешательство государственных агентов в существующие негосударственные ресурсы, виды деятельности и межличностные отношения влияет на существующее распределение этих ресурсов, видов деятельности и межличностных отношений, а также на взаимосвязь между этими распределениями [2].

Сквозь призму военно-фискальной теории формирования государства этот процесс можно проследить по таким симптомам, как избирательный подход к принуждению платить налоги, деление на «своих» и «чужих» и соответствующие правила игры, рентоориентированное поведение чиновников [3].

Другим направлением, по которому осуществляется разгосударствление, является курс на либерализацию политических режимов после распада СССР, который предусматривает уменьшение роли государства. Именно стремление местных элит и международного сообщества к либерализации постсоветских стран требовало ослабления государственного влияния, в первую очередь, на экономическую сферу.

Процесс перестройки был направлен на уменьшение могущества государства, но вместе с могуществом была серьёзно повреждена его эффективность. Вместо реструктуризации, которая должна была бы оптимизировать деятельность государственно-политической системы, произошло разрушение дееспособности государства.

Большинство постсоветских студий, как отечественных, так и зарубежных, концентрировали своё внимание на политических и экономических реформах, а не на процессах построения и переустройства государства как

сложной институциональной системы. Невнимание к прямой корреляции между общественно-экономической и государственно-институциональной системой привело не только к погрешности в политических исследованиях, но и к системным нарушениям в реформах эпохи перестройки. Так, сущность дерегуляции была сведена к делегированию функций координации экономики от государства к свободному рынку, вроде бы по примеру успешных государств западного мира. Эти государства действительно самоустранились от контроля рынка, но они не предоставили его самому себе. Контроль рынка и правил игры в нём перешёл специфическим общественным институтам, которые были сформированы за длительный период господства сильного государственного механизма – иногда речь идёт о нескольких десятилетиях, иногда – о нескольких столетиях. Такие неформальные институты, как рыночные традиции, профессиональные ассоциации и др., устанавливают на рынке иногда более жёсткие рамки, чем это может сделать закон. Кроме того, постсоветские страны не имели зрелой законодательной базы регулирования экономической деятельности. Считалось, что дерегуляция экономики является первым и обязательным требованием во времена глобализации, и постсоветские страны с готовностью поспешили выполнить это условие. Но если присмотреться к западным странам повнимательнее, то можно сделать следующий вывод: в условиях глобализации государственный контроль над экономическим сектором не менее важен, чем раньше. Свободный рынок не может защитить себя самостоятельно, не может мгновенно самоорганизоваться и ответить на глобальные вызовы. Участие государства становится жизненно необходимым для всего общества, что было доказано ещё К. Поланьи [1]. Таким образом, разгосударствление экономики целесообразно в том случае, когда созрели частные некоммерческие механизмы, которые способны выполнять функции общественных институтов. В ином случае неэффективные институты будут заменены на ещё менее эффективные.

Сильное, дееспособное государство не является каким-то архаичным институтом, который в современном мире стал противоположным развитому зрелому государству. Даже такой адепт либерально-демократической модели, как Мировой банк, анализируя политико-экономические проблемы стран постсоветского региона, заявляет в своих докладах о том, что низкий уровень дееспособности государства является серьёзным препятствием для достижения прогресса в большинстве сфер экономической и социальной политики. Более того, когда речь идёт о наиболее сложных, переломных моментах в истории, роль государства в их преодолении усиливается до абсолютного значения. Радикальная либерализация была оправдана на первом этапе посткоммунистического перехода, но в дальнейшем повышение регулирующей функции государства становится просто необходимым, поскольку любое реформирование в условиях неэффективного государства невозможно. Речь идёт о таких направлениях усиления государственно-институциональной системы, как углубление реформирования экономики в русле рыночных основ, а именно завершение реформирования рыночной инфраструктуры в экономике, законодательного обеспечения этой системы, особенно остро стоит вопрос относительно обеспечения гарантий прав собственности.

Дееспособность государства опирается на два основных критерия: во-первых, возможность обеспечивать безопасность своих граждан, а во-вторых, способность контролировать собственную территорию. В нашем же случае, когда все три ветви власти фактически работают в пользу хозяев власти-собственности, дееспособность государственных институтов неуклонно снижается вследствие их искажения, утраты легитимности и т. д. Отсутствие вертикальных социальных лифтов, снижение благосостояния граждан, которые были исключены из системы перераспределения материальных благ, снижение качества услуг в сфере здравоохранения и образования – это путь, по которому идут страны, которые теряют дееспособность в современном мире.

Конечно, на внешнеполитической арене они могут долгое время оставаться полноправным или даже влиятельным фактором, но их институциональная система распатывается, постепенно разъедая их изнутри.

На фоне разрушения жизненно необходимых систем, таких как здравоохранение, образование, охрана общественного порядка, формируются альтернативные им частные, теневые системы, которые неуклонно вытесняют старые неэффективные институты, сформированные государством. В коррумпированном государстве теряется смысл уплачивать налоги – государство не перераспределяет их по назначению, а в случае необходимости в лечении, получении образования или даже ремонта дорожного покрытия на своей улице гражданин вынужден платить во второй раз – теперь частным структурам. То есть институт налогообложения возвращается к своему изначальному состоянию, согласно военно-налоговой теории происхождения государства – налог уплачивается только в принудительном порядке и с единственной целью – избежать лишения свободы или физической расправы со стороны «осёдлого бандита».

Примеры *failed states* являются результатом неограниченной власти глобального капитализма – они появляются там, где потенциальным централизованным государствам не хватает ресурсов и потенциала для более устойчивой и институционализированной политической стратегии, поэтому они отдают предпочтение знакомым патримониальным или неопатримониальным стратегиям. Но на долгосрочном этапе этот выбор ведёт к потере институционального контроля, полной делигитимации государственных институтов вследствие коррупции, возмущения действиями политических лидеров, их хищническим поведением, использованием инструментов элементарной власти.

Провалы теории модернизации на постсоветском пространстве доказали, что ожидать от развивающихся стран успешного копирования пути государственного строительства по западному образцу очень наивно. Сегодня необхо-

димо искать альтернативные пути развития стран периферии и полупериферии.

Важную роль при возникновении новых институтов и формировании сыграл состав нового государственного аппарата, мотивация госслужащих новой эпохи. Советская элита в конце 80-х годов была заинтересована в провозглашении перехода к рыночной экономике, безусловно, исключительно из эгоистических мотивов. Руководители предприятий не хотели работать под давлением планов, но после отмены плановой системы новых, рыночных импульсов не возникло. Таким образом, госслужащие всех уровней понимали переход к рыночной экономике как снятие с себя ответственности и как возможность спокойно работать на себя. Такая негативная мотивация перехода определила криминаленность новой экономической среды. Дальнейшая либерализация создала дополнительные условия для криминализации, поэтому все её «классические эффекты», такие как распродажа ресурсов, вывоз капиталов, мошеннические финансовые «пирамиды», приняли практически открытые формы.

Постсоветские страны ощущают острую недостаточность в могуществе государства, которая обусловлена полным переформатированием ключевых функций её агентов, ослаблением её институциональной структуры. Процесс государственного строительства, который развернулся в постсоветских странах, имеет ряд специфических особенностей: это несовременные механизмы реализации власти, неэффективная политико-институциональная система, превалирование неформальных норм и практик в функционировании всех сфер общественной жизни. Рассмотрение разгосударствления институтов, трансформации взаимодействия государства и политической системы в этих странах необходимо для адекватного всестороннего понимания процессов

переформатирования их политического устройства.

Библиографический список

1. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / пер. с англ. А. А. Васильева, С. Е. Фёдорова и А. П. Шурбелева, под общ. ред. С. Е. Фёдорова. – СПб.: Алетейя, 2002. – 320 с.
2. Тилли Ч. Государственное ресурсоизвлечение и демократия // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2007. – № 4. – С. 30–49.
3. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. / пер. с англ. Т. Б. Менской // Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского». – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. – 328 с.
4. Derlugian G., Earle T. Strong Chieftances out of Weak States, or Elemental Power Unbound.
5. Venelin I. Ganey. Postcommunism as a Historical Episode of State-Building: a Reversed Tillyan Perspective // Kellogg-Institute, Working Paper No 289, November; Valerie Sperling (ed.), 2000. Building the Russian State. Institutional Crisis and the Quest for Democratic Governance. – Boulder: Westview Press.

Bibliograficheskij spisok

1. Polani K. Velikaja transformacija: politicheskie i jekonomicheskie istoki nashego vremeni / per. s angl. A. A. Vasileva, S. E. Fjodorova i A. P. Shurbeleva, pod obshh. red. S. E. Fjodorova. – SPb.: Aleteija, 2002. – 320 s.
2. Tilli Ch. Gosudarstvennoe resursoizvlechenie i demokratija // Sociologija: teorija, metody, marketing. – 2007. – № 4. – S. 30–49.
3. Tilli Ch. Prinuzhdenie, kapital i evropejskie gosudarstva. 1990–1992 gg. / per. s angl. T. B. Menskoj // Serija «Universitetskaja biblioteka Aleksandra Pogorelskogo». – M.: Izdatelskij dom «Territorija budushhego», 2009. – 328 s.
4. Derlugian G., Earle T. Strong Chieftances out of Weak States, or Elemental Power Unbound.
5. Venelin I. Ganey. Postcommunism as a Historical Episode of State-Building: a Reversed Tillyan Perspective // Kellogg-Institute, Working Paper No 289, November; Valerie Sperling (ed.), 2000. Building the Russian State. Institutional Crisis and the Quest for Democratic Governance. – Boulder: Westview Press.

© Клипкова А. А., 2014